

Yeely
November 1st, 1888, Ekaterinoslav.

Dear Brother.

I looked long at your card
would you believe me and my heart is
aching. It came to my mind one of your
sayings: Somehow my heart is aching and
I feel like crying. I don't think I have
to elaborate more about it. I suppose you
understand why my heart is bleeding.

You know, memories, how it was... how...
what... how... Everything is so blurry,
mixed up, so much was torn away from
the past, how much lived through.

With these isolated words only I can
somehow relate to you ~~any~~ ^{the} emotional state
I am in. But I repeat: You understand
me very well.

In general your letter in a way
made me feel calmer, calmer because I
understand you made me understand you
a little bit. Poor as can be" - wonderful -
"close to the ideal of the proletariat"
even more wonderful. wonderful and
more wonderful in a way, that it is sure
and I am not forced to guess anything.
There is nothing not only wonderful,
but even nothing good.

Imagine, from your Jewish(?) letter I do not understand why did you leave Russia. Now, only in your letter I see a very unpleasant word: "never". I only begin to guess that "the power of conditions" forced you to leave your motherland for an uncertain time. Is this true?

Listen, brother, do me a big "favour" For God's sake, sit down one evening ~~with~~ and describe in all details all about you. After such a long and detailed letter, you might not write any more, but this letter you ~~have to~~ must rightly write. I am sure you know for sure that you are very dear to me and that such a friend you did not have and will never have. Is it really so difficult for you to do? But I want you to understand what I am asking you to do. Tell me about your life and most important from the emotional side. Tell me everything how it is. Like you can tell the closest person, without restrictions, without hesitations, without ceremonies. Then and only then I will see you as a whole, then I will find out how much we have in common

not only because of memories. Then I will be able to appraise and stabilize our relationship. Meanwhile I am wandering I hope you will not refuse me. Then I will answer you also in details and on top of it, I will try to relate to you my suggestions.

Any news about literature - nothing to let you know. (Mich. refused to work with S.V.) ~~He also stopped~~ Textbooks also stopped being printed.

I read a good thing of Hauser (?) SH101" - (Jews" in derogatory expressions) " In the last book (the six) "V, S" an article was printed about miners from the same place, about whom I also wrote. I did not read it yet.

From newspapers news I can let you know (by the way may you yourself already know about it) that Friedrich is dead and his successor is Wilhelm II. As they say, not very pleasant Wurstpresser. And so... I am waiting. Remember your brother, Salomon.

4.
Получившей, брат, у меня к тебе
"доброго" письма. Раздумиши ты, ради
Бога, и расуди на вечер и написти
мне подробнейшим образом о
себе. Расскажи какое впечатление и
подражание тебе можешь сделать
какие перемены не пишешь, но это
мне важно написать. Знаешь ты, ка-
кое-то, уже знаешь, что ты много
мне дорог и про такое дружба
ты не пишешь и переписка не будешь
ничего. Неужели тебе это так
мало будет? Откажись? Но ты пой-
ми дружно, что это прощай: раска-
жи мне много твоего здоровья и охоты
и переписки с тобой.

1 июля 1888 г. Скамер.

⊕

Дорогой брат!

И даю стамбуль на твоем карточ-
ку, повторил ты, у меня болтушкой
смайлов сердце, смайлов до смеха и много
припомнившиеся одно тебе дружеские
"что то сердце доброе, доброе сердитый
и так как хочется много о тебе написать
распространяется по своему поводу
смайлов пишешь: и по началу, что
ты сам пишешь почему собственно
но смайлов сердце. Знаешь: воспомина-
ние... как дамо... теперь... что?
как? ... И все так же трудно, за-
трудно, смайлов смайлов и
примечательно... как будто переписки и ка-
кого-то. Я пишу тебе скамер

от старости. В урках, как яже
 все как сит, как можно руж-
 снаго ситому Гимназии
 мновому, Бюро иже иже утает,
 Бюро рекурсий, Бюро церемоний.
 Тогда, наконец, в урному мейо
 по всем мвемь обрешо, тогда
 в урном поспашо мы мвемь,
 срадиве и по одним мвемь
 старшим воспоминаниям и сим-
 паниям, тогда в урном ре-
 димит и урном мвемь нам оми-
 менис. А пока Гимназия, как в
 иже. Маджовс мвемь не ошкеш.
 Тогда в ошкешу мейо того мвемь
 того и мадавак поспашо урном

мать свое удостоверение:

Новостей иммиграционных почти
 по чему сообщают /Мед. при мед. с/
 почему указали что сиротам. ^{ме}
 С. В. ³⁾ Уж. таме переждат мать
 печатает. Каким книжкам издана
 Букварное Букварное. Прочит ко-
 раиндую книгу Майнера - "Инд" ³⁾
 Вк последней ^(6-ая) кн. "В. С." напечатана
 сшанды о матерях той же матер-
 ности, пошарить и в описать. Еще не
 шрайт. Уж газетный новостей мож-
 тать сообщит (впрочем, шить не,
 Бершиль ты по всей восточности уже
 и сашт это значит), что Фридрих
 сшанды и на преставл венский
 Вилхелм II, как гонимый не
 особенно симпатичный *Wurstfresser*. ⁵⁾
 И мать - шду. Так и гоним и
 гоним. Твой брат Семейно